

Марджери Эллингем

ЦВЕТЫ ДЛЯ СУДЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Э 47

Margery Allingham

FLOWERS FOR THE JUDGE

Copyright © 1936 by International Literary Properties UK Limited,
through its subsidiary Worldwritings Holdings Limited

DANCERS IN MOURNING

Copyright © 1937 by International Literary Properties UK Limited,
through its subsidiary Worldwritings Holdings Limited

MR CAMPION: CRIMINOLOGIST

Copyright © 1937 by International Literary Properties UK Limited,
through its subsidiary Worldwritings Holdings Limited

The Case of the Late Pig, 1937; The Border-Line Case, 1933;

The Case of the Man with the Sack, 1935;

The Case of the Old Man in the Window, 1934;

The Case of the Pro and the Con, 1937; The Case of the White Elephant, 1935;

The Case of the Widow, 1936

This edition is published by arrangement with

The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd

and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

Перевод с английского

Игоря Иванова, Елены Корягиной, Кирилла Плешкова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Карты выполнены Юлией Каташинской

© И. Б. Иванов, перевод, 2026
© Е. Корягина, перевод, 2026
© К. П. Плешков, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-27353-5

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

На уголовных процессах свидетели обычно не присутствуют в зале суда, пока их не вызовут для дачи показаний, однако в 1931 году на процессе Короны¹ против Майкла Веджвуда это правило было нарушено.

¹ *Суд Короны* — звено английской судебной системы, где в первой инстанции рассматриваются серьезные уголовные дела. Английский уголовный суд отождествляется именно с судом Короны. Можно с большой долей уверенности назвать суд Короны «витриной» английского уголовного правосудия.

ГЛАВА 1

ЗАГЛУШЕННЫЙ ДИНАМИТ

Почти каждый, кто жил на территории Большого Лондона в самом начале второго десятилетия XX века, может припомнить невероятную историю, произошедшую то ли с биржевым маклером, то ли с оптовым торговцем чаем, по всей видимости работавшим в Сити. В одно прекрасное солнечное утро этот человек вышел из своего дома в пригороде, прошагал сотню ярдов и вдруг растаял в воздухе, словно струйка серого дыма в безоблачном небе.

Подробности исчезновения разнятся. Например, любопытная женщина из дома № 10 видела, как он прошел мимо, а вот инвалид, как всегда торчавший в окне соседнего дома № 12, этого не видел; меж тем письмо, которое испарившийся намеревался бросить в почтовый ящик, было впоследствии обнаружено сиротливо лежащим на тротуаре между двумя домами. В некоторых версиях упоминалась некая странная высокая стена, тянувшаяся вдоль улицы, и фигурировали якобы жена исчезнувшего и молочник. Рассказывали, что пропавший джентльмен поцеловал жену у садовой калитки и, прежде чем завернуть за угол, помахал ей на прощание, а молочник так и не дождался своего постоянного покупателя.

Косвенные свидетельства версий не совпадали между собой. Общим было лишь главное событие и неприятный осадок. Человек исчез, и все указывало на то, что исчез он весьма необычным образом и, конечно же, не вернулся ни в тот день, ни в последующие.

Многие знакомы с теми, кто жил по соседству с героем, или жертвой, этого повествования. Однако в издательском доме «Барнабас лимитед», основанном в 1810 году и владевшим из-

дательством «Золотой колчан», хранили полное молчание. Пропавший человек был младшим партнером в руководстве издательского дома. Это он майским утром 1911 года вежливо пожелал своей экономке доброго утра, вышел из дома на широкую пригородную улицу, но, так и не пройдя мимо табачной лавки на углу, исчез тихо и незаметно, словно дождевая капля в пруду.

Тогда это вызвало определенный переполох в величественном доме в стиле эпохи королевы Анны, стоящем в тупике близ Джокиз-Филдс (а если точнее, близ того конца проезда, что выходит в Холборн), стену которого украшало изображение золотого колчана. Но когда выяснилось, что бухгалтерские книги в полном порядке, а мистер Джон Уиддоусон — другой партнер — вполне способен управлять делами и без двоюродного брата, распавшегося на атомы или перешедшего в четвертое измерение, природный консерватизм предприятия взял верх и о тревожном происшествии благоразумно забыли.

С течением времени даже такое сверхъестественное событие низводится до уровня курьеза, а через двадцать лет о нем и вообще вспоминают с трудом. Однако исчезновение Тома Барнабаса в 1911 году создало в издательской фирме определенный прецедент. Так что как это ни парадоксально, но когда в 1931 году пропал Пол Р. Бранд — один из директоров компании, который вот уже несколько дней не появлялся ни на работе, ни дома и не подавал о себе вестей, — никто не вспомнил о прошлом и не придал случившемуся особого значения.

Воскресным вечером Джина Бранд сидела у камина в своей просторной гостиной, устроившись на большом белом диване с высокой спинкой и причудливо изогнутыми подлокотниками. Выглядела она, как всегда, прекрасной, странной и неожиданной.

С момента исчезновения ее мужа прошло трое суток. «Чайный час» — часть традиций семейства Барнабас — был в полном разгаре. На протяжении всей зимы воскресными вечерами все двоюродные братья и мисс Керли собирались за чаем и скрупулезно просматривали воскресные газеты. Иногда в этот замкнутый круг допускался кто-то извне: скажем, привилегированный автор, гость, приехавший из Америки, или, в редких

случаях, дряхлый Кальдекотт — патриарх литературных агентов, знавший Джекоби Барнабаса, или — между своими — Старика.

Когда Пол привез Джину из Нью-Йорка и контора очухалась от шока (мыслимое ли дело: в их святая святых — иностранка!), Джина взяла хлопоты по устройству традиционных чаепитий на себя, освободив престарелую экономку Джона. С тех пор чайная церемония перекочевала этажом выше. Еще до появления Джины двое старших директоров фирмы, решив, что жить рядом с работой гораздо выгоднее, быстро арендовали соседний дом и, потратив изрядную сумму, превратили прежде неприглядные помещения в три квартиры. В итоге руководство в полном составе поселилось на задворках Холборна, убедив себя, что о большем и не мечтало.

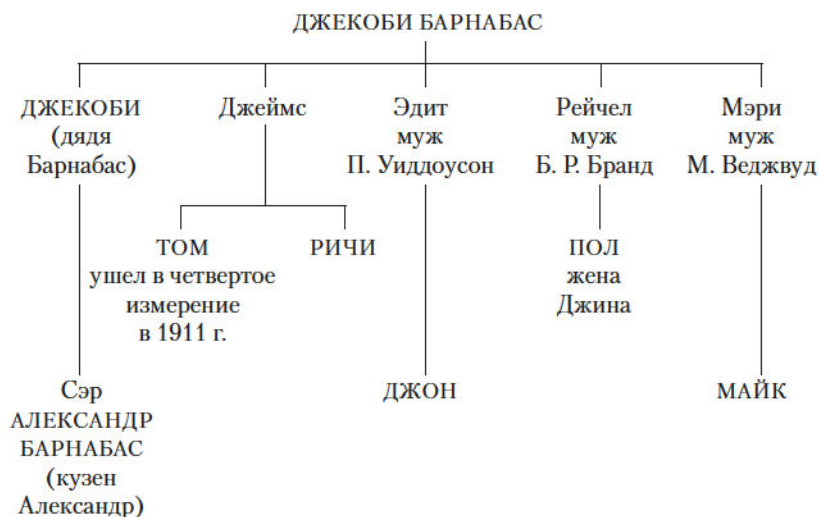
Джон Уиддоусон — управляющий директор, сын старшей сестры Старика и самый старший из двоюродных братьев — взял себе квартиру на втором этаже, поскольку та отвечала его положению, хотя по размерам лучше бы подошла Полу и Джине, занявшим третий этаж.

Квартира на первом этаже, а также подвал достались Майку Веджвуду — самому младшему из двоюродных братьев и младшему директору. «Барнабас лимитед» поступила так в святой уверенности, что от мелких неудобств достоинство и престиж фирмы не пострадают.

Чайная церемония уже почти заканчивалась, однако до сих пор никто не упомянул Пола. Все как будто негласно признали, что без его назидательных сентенций и выплесков недовольства встреча прошла гораздо спокойнее.

Когда художник Павлов назвал жену Пола «молодой Сарой Бернар», он слегка погрешил против истины. Ее тонкокостная фигура, изящные ручки и ножки, а также длинная шея просто утонули бы в корсетах, мехах и оборках женских нарядов 80-х годов XIX века. Строгость лица Джины, которое полностью отвечало современным представлениям о красоте — широкий рот, несколько раскосые серые глаза и маленький прямой носик, — оттенялась новомодной прической, сотворенной Лалле: тщательно уложенные темно-каштановые волосы образовывали очаровательные завитки по обеим сторонам лба.

«БАРНАБАС ЛИМИТЕД»

На Джине было одно из платьев собственного покроя. Фирма, а точнее, Джон Уиддоусон, ее олицетворяющий, и слышать не хотел, чтобы жена его двоюродного брата продолжила в Англии карьеру модельера. Поэтому теперь она создавала наряды только для себя и иногда для Павлова, придерживаясь благопристойного и полулюбовительского стиля.

Это узкое платье, сшитое из темно-зеленого в комбинации с черным шелка, подчеркивало нездешность Джини и ее в высшей степени индивидуальный шик. Однако сейчас на красивом лице молодой женщины явно проступили следы усталости. Сегодняшним вечером обличительная речь, которую еженедельно произносил Джон в адрес издательства «Чесант», наводнявшего рынок романами третьего сорта, а то и вовсе низкопробными, при этом беззастенчиво рекламируя суммы своих доходов, показалась Джине длиннее и утомительнее, чем обычно.

Мисс Керли сидела в углу, у камина, сложив пухлые ручки на коленях. Ее водянистые голубые глаза за стеклами очков были спокойны и задумчивы.

Среди собравшихся в гостиной Флоренс Керли выглядела, пожалуй, самой невзрачной. Ее седые волосы были зачесаны кое-как, а черное бархатное платье относилось к категории скверно скроенных, аляповато украшенных и беззастенчиво дорогих нарядов, которые миллионами производились для лишенных вкуса покупательниц. Туфли с претензией на модные не отличались удобством. Три кольца на пальцах явно перешли к ней от матери. Но мисс Керли, по общему мнению, являлась сердцем фирмы. Даже Джон, время от времени с пиететом поглядывая на нее, искренне надеялся, что она его переживет.

Когда-то давно Керли была секретаршей у Старика. В те дни профессия машинистки воспринималась как дерзкое новшество. Верная женской традиции беззаветно служить главенствующему мужчине, Флоренс, образно говоря, вышла замуж за «Барнабас лимитед». Этой традиции пожилая дама непоколебимо придерживалась и сейчас.

Тридцать лет спустя она по-прежнему любила фирму, но такое отношение можно было сравнить с любовью к своему детищу. Мисс Керли знала о положении дел лучше всех учетных книг, понимала трудности «Барнабас лимитед» и радовалась победам с прозорливостью опытной медсестры, уверенной, что пациент обязательно выздоровеет.

В конторе она олицетворяла благосклонный и всезнающий ум — один из самых важных и драгоценных ресурсов. За стенами издательского дома ее боялись, уважали и слегка ненавидели. В данный же момент она выглядела неприметной глуховатой старухой, сидящей у огня.

В гостиной было очень тепло. Джон, любивший прохладу, встал.

— Вот что, Джина. Пойду я, пожалуй, — сказал он. — Новый роман Туса — сплошная мешанина, но я намерен довести его до публикации. Я вызвал Туса на завтра.

Приглашая авторов на беседу, Джон всегда говорил, что вызывает их. Это давно стало привычной фразой, унаследованной от Старика.

Мисс Керли заерзала на стуле.

— Знаете, мистер Уиддоусон, по-моему, мистер Тус — очень самоуверенный и упрямый молодой человек, — заявила она

и добавила с нескрываемой язвительностью: — На прошлой неделе я видела его обедающим с Филлипсом из «Денвера». Полагаю, они вместе учились.

Джон, понявший ход ее рассуждений, повернул голову.

— Нынешний роман хуже его первой книги, — словно оправдываясь, заметил он.

— Естественно, — кивнула мисс Керли. — Вторые книги всегда хуже. И тем не менее Тус небесталанен. Не хотелось бы его упускать. «Денвер» мне никогда не нравился...

— Согласен, — сухо отозвался Джон. — Я доведу его роман до публикации, — повторил он. — Такое вполне возможно.

Он направился к двери — высокий, импозантный, обаятельный мужчина с худощавым желтоватым лицом и короткостриженными седыми волосами.

На пороге Джон остановился и обернулся со словами:

— Кстати, Джина, где Пол? Тебе известно? Я его с четверга не видел. Наверное, опять умчался в Париж.

Возникла неловкая пауза. Керли невольно улыбнулась. Напористость Пола, его напыщенные фразы и неукротимая энергия бесили двоюродного брата, но лично ее только забавляли. Ироничное замечание Джона про «умчался в Париж» было его первым прямым упоминанием истории, связанной с «Биографией Турлетта». Все, кто сейчас находились в гостиной, помнили прошлогоднюю сентябрьскую коктейльную вечеринку и взволнованный, хотя и неубедительный голос Пола, перекрывавший общий шум: «Говорю вам, мои дорогие, я был настолько потрясен, что перестал существовать в привычном состоянии! Можете считать, что я временно аннигилировался. Я поспешил в Кройдон и сел на ближайший самолет, даже не взяв с собой портфель и не позвонив Джине. Я полетел в Париж и купил „Биографию“!»

«Биография Турлетта», вызвавшая у английских и американских читателей такой же слабый интерес, как средненький дебют в жанре верлибра, а также то, что «Барнабас лимитед» выложил за покупку авторских прав целых пятьсот фунтов, — оба этих факта в совокупности подтверждали правоту запоздалого комментария Джона.

Вопрос Джона вывел Джину из оцепенения. Все ее движения отличались медлительностью. Прежде чем ответить, она грациозно повернула голову и только потом заговорила:

— Не знаю, где Пол. Его с четверга нет дома.

В ее тихом голосе с характерным акцентом уроженки Новой Англии¹ не было замешательства или недовольства. Трудно сказать, удивлялась ли она отсутствию супруга или принимала как нечто само собой разумеющееся.

— Понятно. — Впрочем, Джона отсутствие двоюродного брата тоже не удивляло. — Если нынче вечером он появится, пусть заглянет ко мне. Я буду читать до самой ночи. Кстати, миссис Картер прислала мне чрезвычайно любопытное письмо. Полу пора бы поумерить свой энтузиазм при общении с авторами. А то они потом мнят о себе невесть что и возмущаются, когда их книги не продаются.

На этой недовольной ноте дверь за ним тихо закрылась.

В гостиной послышался сухой, каркающий смех Ричи, на который никто не обратил внимания. Ричи, обычно тихий, чуть меланхоличный, находился вне круга света, восседая на стуле в тени. Кто-то посчитал бы его сентиментальным или трогательным.

Ричард Барнабас — родной брат исчезнувшего двадцать лет назад Тома — был единственным из двоюродных братьев, кто по завещанию Старика не получил доли в семейном деле. Разумеется, в 1908 году, когда Джекоби Барнабас покинул этот мир, Ричи был гораздо моложе, однако все же старше, чем малыш Майк и школьник Пол. Если взять Джона, их возраст разнился ненамного. Сам Ричи никогда не искал объяснения этой загадке, но в завещании имелось примечание, обязывающее бенефициаров заботиться о Ричарде, что проливало некоторый свет на мнение Старика о своем племяннике.

Двоюродные братья исполнили это обязательство типичным для фирмы, а может, и для всего издательского дела способом: выделили Ричи комнатенку на верхнем этаже, назначили приличное жалованье и дали должность «чтеца». Свою работу он

¹ *Новая Англия* — исторически сложившийся регион на крайнем северо-востоке США, куда входят несколько штатов.

делил с двадцатью или тридцатью лицами духовного звания, старыми девами и бедствующими школьными учителями, разбросанными по всей стране. Однако это была его официальная работа, и он жил в мире потрепанных рукописей, по которым составлял длинные заузные рецензии.

Внешне он напоминал тощего запыленного призрака. Его часто видели на лестнице и в коридорах основного здания фирмы, а также размашисто идущим по лабиринту продуваемых всеми ветрами улочек, лежащих между священным тупиком и его жилищем на Ред-Лайон-сквер.

Несмотря на то что никто не воспринимал его всерьез, все относились к нему с симпатией, проявляя снисходительную терпимость, словно к безобидному домашнему питомцу.

Каждый год Ричи давали трехнедельный отпуск и в это время о нем не вспоминали. Только растущая гора рукописей в его пыльном кабинетике свидетельствовала, что хозяина нет на месте.

Среди младшего персонала ходили туманные слухи, будто три отпускные недели Ричи проводит в своем логове, занимаясь все тем же чтением, однако ни у кого не возникало желания проверить, так ли это. Что касается двоюродных братьев, то, услышав вопрос: «Где Ричи?», они торопливо отвечали: «В отпуске, где же еще» — и тут же о нем забывали, поскольку у них всегда находились дела поважнее.

Время от времени появлялись сентиментальные юные особы женского пола — типаж, не очень приветствуемый в фирме, — видевшие в Ричи романтика и загадочную личность, чья тайная внутренняя жизнь слишком хрупка и слишком поэтична, чтобы выставлять ее на всеобщее обозрение. Впрочем, интерес таких девиц быстро угасал. Они обнаруживали, что у Ричи душевная организация маленького ребенка и разум школьника и что он отнюдь не несчастен, как им казалось.

Отсмеявшись, Ричи встал и подошел к Джине.

— Дорогая, мне тоже пора, — сказал он, улыбаясь ей своими нежнейшими синими глазами. И после минутной паузы добавил: — Спасибо за вкусный чай.

Серые глаза Джини сощурились в ответной улыбке.

— Милый ты человек, Ричи. — Она протянула ему руку.

Он на несколько секунд задержал ее руку в своей, затем кивнул мисс Керли, широко улыбнулся Майку, которому всегда симпатизировал, и побрел к двери.

Все трое очень по-доброму улыбнулись ему вслед. Эта теплая тишина еще какое-то время наполняла пространство. А за окнами со стороны парка уже наполнили первые клочья тумана, но холод, пропитанный грязью лондонских улиц, пока не успел проникнуть в уютную гостиную.

Мисс Керли по-прежнему сидела в углу, тихая и явно погруженная в свои мысли. Знавшие эту женщину привыкли, что она «смотрит сквозь них». Ее особенность была давним предметом конторских шуток. Сама Флоренс находила это свойство очень полезным. Ее выцветшие голубые глаза практически скрывались за стеклами очков в золотой оправе, и потому никто толком не знал, сосредоточен ее взгляд или же рассеян.

В данный момент она со спокойным любопытством разглядывала Майка.

Майк Веджвуд был сыном самой младшей и любимой сестры Старика. Его место в фирме было определено и закреплено за ним с самого рождения. В год дядиной смерти ему едва исполнилось семь лет.

Глядя на Майка, мисс Керли думала о том, что раннее целенаправленное воспитание могло пойти ему и во вред. Мальчишка, которого с детства хладнокровно готовили к роли достойного члена давно существующей издательской фирмы, мог вырасти педантом или, наоборот, человеком эксцентричным и склонным к крайностям. Однако жизнь внесла свои смягчающие коррективы. Во время войны «Барнабас лимитед» понес убытки, и для сохранения оставшегося наследства Старика был введен режим жесткой экономии. Поэтому юный Майк, хотя и учился в привилегированных школах, вечно испытывал нехватку денег. По мнению мисс Керли, бедность обладала замечательным свойством отрезвлять разум и поведение человека.

Майк прошел военную подготовку, но попасть на войну ему не довелось, поскольку к этому времени воюющие стороны подписали соглашение о перемирии. Сейчас, глядя на него, раз-

валившегося в глубоком кресле напротив, мисс Керли думала о том, не суждено ли ему и дальше «пропускать» участие в крупных событиях. До сих пор жизнь берегла его, не подвергая испытаниям. Сейчас ему было около тридцати. Добрый, вежливый, обаятельный, надежный и спокойный. Хотя мисс Керли и понимала причину его популярности, в этом ей виделся и определенный дефект. Ей казалось, что жизненно важной части его личности позволили атрофироваться, отдав предпочтение непринужденности и интеллекту.

Глаза ее за стеклами очков смотрели не мигая. Да, Майк был полон обаяния, этого у него не отнимешь. Сейчас, когда он достиг зрелости, в нем ощущалось больше значимости и достоинства, унаследованных от Старика, чем в любом из двоюродных братьев. Фамильные черты Барнабасов проявлялись и внешне: лучистые пронизательные темные глаза, сильный волевой подбородок и тонкие чувственные губы. Мисс Керли смотрела на него, и ее сердце наполнялось симпатией к молодому человеку.

Когда подозрения, одолевавшие ее несколько недель подряд, сменились уверенностью, Майк стал ей гораздо интереснее и, что любопытно, существенно вырос в ее глазах. Мисс Керли украдкой взглянула на Джину, замершую в величественной позе на диване.

«Она еще не знает наверняка, — продолжала свои безмятежные рассуждения Керли. — Майк слишком осторожен и пока ничего ей не сказал. Было бы трудно от него этого ожидать. Нынче люди другие. Страсти их пугают, и они начинают бороться со страстями как с чем-то недостойным. Да, таковы нынешние люди. Слишком многое изменилось. Но Старик, — здесь губы мисс Керли тронула едва заметная улыбка, — он бы ее добился. Конечно, он бы понимал: негоже заглядываться на жену родственника, однако последовал бы голосу страсти. Это и отличало Старика от его племянников».

При мысли о них мисс Керли презрительно скривила старческие губы. Джон с его вспылчивостью, помпезностью и моментами непрошибаемого упрямства. Пол, взмыленный эмоциями, орущий и выставляющий себя на посмешище. И теперь

эта темная лошадка Майк, который до сих пор ничего по-настоящему не хотел. Способен ли кто-то из них ринуться сломя голову навстречу своим желаниям, сметая препятствия, преодолевая любые преграды и при этом избегая наказания? Старик действовал так постоянно, а вот насчет его племянников Керли сомневалась.

Майк сидел, привалившись к спинке кресла. Голова его постоянно находилась в тени, и только вспышка пламени в камине время от времени освещала лицо. Керли сдавалось, что в такие моменты он очень тщательно контролирует его выражение.

Джина не бросала взглядов в сторону Майка, но ощущала, что он рядом. Керли знала об этом по нарочитому спокойствию молодой женщины, по намекам на напряженность, невыносимую для кого угодно, кроме такой крайне безэмоциональной особы, как сама мисс Флоренс.

Значит, они влюблены. Нелепое слово, но оно многое проясняло и прежде всего — неловкое положение обоих; замешательство, которое это состояние вызывало у них — таких сдержанных и разумных молодых людей. Мисс Керли с удовлетворением отметила, что Майка проняло. У него внутри бушевал огонь, болезненно прорываясь сквозь непринужденность и вежливость и превращая его из холодноватой личности в кого-то куда более привлекательного и незащищенного, но одновременно добавляя всему этому скандальный оттенок.

А вот насчет девчонки, как мысленно мисс Керли называла Джину, у нее такой уверенности не было. Джина отличалась потрясающим самообладанием. Мисс Керли попробовала представить отношение этой американки к ее мужу. Вряд ли она пылает к нему страстью. Возможно, где-то в мире и живет женщина, настолько толстокожая, что ей были бы нипочем мелкие всплески и выплески, из которых состояла жизнь Пола Бранда. Но Джина не такая. Его фальшивый энтузиазм, его напыщенное вранье, неизменно вылезающее наружу, его неубедительное бахвальство... никакая физическая страсть не выдержит таких атак на восприимчивый ум.

И потом, разве Пол уделял Джине хоть какое-то внимание? Его мозг был целиком занят бесполезными, а временами просто

смехотворными усилиями по самовозвеличиванию. Например, где Пол изволит находиться сейчас? Поддался очередной сумасбродной затее и разглагольствует перед каким-нибудь бездарным писакой, ослепляя того своим величием? Завтра вернется, пьяный от энтузиазма и восхищения собственным умом, чтобы затем получить от Джона отрезвляющую порцию здравого смысла и впасть в урюмость.

Нет. Если Джина когда-то его и любила, в чем Керли была склонна усомниться, от той любви вряд ли что-то осталось.

Размышления и умозаключения мисс Керли прервало неожиданное вторжение в теплый мир этого заваленного газетами святилища. В дверь позвонили. Поймав взгляд Джины, Майк вскочил и помчался открывать. Из прихожей донеслись вежливые приветствия, произнесенные вполголоса, а затем Майк вернулся вместе с гостем.

Керли знала мистера Кэмпiona только заочно, а потому оказалась совершенно не готова и даже несколько шокирована, когда он вошел вслед за Майком. Она увидела долговязого, худощавого молодого человека с сутулыми плечами, простодушным бледным лицом и гладкими волосами соломенного цвета. Понять выражение глаз не представлялось возможным, поскольку они скрывались за стеклами массивных очков в роговой оправе. Всегда ли он носил эти очки или надел для пущей важности, Керли не знала.

— Вечеринка закончилась? — огорченно спросил гость, покосившись на пустой чайный стол и оставленные стулья. — Какая досада! — Пожав руки Керли и Джине, он сел, скрестив длинные тощие ноги. — Я ошибся? Никакого чая и вечеринки не было? Должно быть, здесь обсуждались сугубо деловые вопросы, — проговорил он, дружелюбно улыбаясь. — Дешево, честно, надежно. Последняя работа заняла пятнадцать месяцев, и результатом стал обвинительный приговор. Детективные услуги всех видов по первому требованию.

Холодный неодобрительный взгляд мисс Керли заставил его умолкнуть. У мистера Кэмпiona хватило ума изобразить смущение.

Джина пришла ему на выручку:

— Керли, вы ведь еще не встречались с мистером Кэмптионом? Некоторых его выходки сводят с ума, но большинство потом к ним привыкает.

— Это у меня болезнь такая, — с захватывающим смущением признался бледный молодой человек. — Разновидность нервного расстройства. Относитесь к этому как к стеклянному глазу, и моя особенность вас больше не побеспокоит.

Керли такое признание обезоружило, но лишь отчасти. В мире, где она жила, хватало показных молодых шутников, многие из которых оказывались глупцами со скверными манерами. Постепенно до нее начала доходить разница между гостем и одним из упомянутых шутников. Там поток чепухи служил ширмой, скрывающей пустоту, здесь же все имело иную природу. Чувствовалось, что умом мистер Кэмптион ничуть не обделен.

Немного помолчав, он снова заговорил:

— Джина, в Америке такого не увидишь. Тебя ждут волнующие впечатления. Грядет наш старый добрый лондонский туман. На улицах по традиции зажигают факелы, кондукторы выходят из автобусов и указывают шоферам дорогу, но автобусы все равно заносит на тротуары, и они врезаются в витрины. Попрошайки за небольшую плату переводят богачей через улицу. В окрестностях Друри-Лейн уже на расстоянии вытянутой руки ничего не видно. Я вдоволь наслаждался этой старой романтикой.

— Надеюсь, что она греет тебе душу. — Темные глаза Майка лениво блеснули. — А вот меня и прочих шоферов от такой романтики пробирает озноб. Джина, ты возненавидишь наш туман. На кожу и одежду он действует примерно так же, как в разгар лета путешествие на поезде из Парижа на юг.

— Понятно. Еще один английский пустычок для развлечения иностранцев. — В голосе молодой женщины улавливалась какая-то отстраненность.

Мистер Кэмптион впервые понял, что напряженная обстановка в гостиной вызвана не только присутствием мисс Керли.

— Итак, леди и джентльмены, профессор уже здесь, — весело произнес он. — Воздушный шар вот-вот взлетит. Выкладывайте ваши горести. Джина, ты что-то потеряла?

Возникла неловкая пауза, и, пока цепкий ум мисс Керли оценивал общую ситуацию, мистер Кэмпбелл, не знающий здешних реалий, понял, что допустил оплошность. Майк умоляюще взглянул на Джину.

— Дорогая, если вам нужно о чем-то поговорить втроем, я удалюсь, — подавшись вперед, сказала мисс Керли.

Джина задержалась с ответом. Ее лицо слегка покраснело. То был первый признак замешательства; казалось, еще немного — и самообладание покинет ее, а попытки его сохранить лишь усиливали это ощущение.

— Это излишне, мисс Керли, — наконец откликнулась Джина. — Кто знает... не исключено, вы нам в чем-то поможете. Так что... — Она намеренно умолкла.

Мисс Керли вновь откинулась на спинку стула.

— Я останусь, — твердо заявила она. — Речь ведь идет о вашем муже? Дорогая, Пол обязательно появится. Он всегда возвращается. Все братья любят время от времени исчезать. Это у них семейная традиция.

Ее слова полностью сломали лед, и Майк облегченно рассмеялся.

— Есть такая манера притворяться, — пробормотал он. — А наша добрая старая Керли видит нас насквозь. Правда?

— Да, я действительно вижу, — сухо ответила она, буравя его глазами.

— Пойдите! Дайте Выдающемуся Уму вникнуть в суть дела, — запротестовал мистер Кэмпбелл. — Что приключилось с Полом?

Джина медленно повернулась к нему. Ее щеки вспыхнули.

— Наверное, с моей стороны это глупо, но я попросила Майка позвать тебя на неофициальный разговор. Пол не появлялся с четверга. А ведь он как-никак здесь живет и...

— Теперь понятно, — пришел ей на выручку Кэмпбелл. — Твоя точка зрения мне вполне ясна. Одно дело обратиться в по-

лицию, и совсем другое — сделать вид, что ты не заметила трехдневного отсутствия мужа.

— Вот именно. — Джина с благодарностью посмотрела на гостя и продолжила: — Вероятно, другие жены к этому времени уже не находили бы себе места, но у меня... я имею в виду у нас... всё не так. — Оттенок гордости, звучавший в ее негромком, медленном голосе, придавал ему особое очарование. — Мы... Альберт, мы — поколение, ставшее взрослым уже после войны. Мы — другие. У Пола своя жизнь, у меня — своя... до некоторой степени. — Отчаяние вынудило ее умолкнуть, но она тут же заставила себя держаться в рамках и торопливо заговорила снова: — Я хочу, чтобы ты понял. Я не считаю чем-то из ряда вон выходящим, когда Пол на день-два исчезает, даже не удосужившись мне сообщить. Но я не припомню, чтобы он отсутствовал так долго, не подавая о себе вестей. И поэтому сегодня утром я почувствовала, что должна об этом кому-то рассказать. Надеюсь, ты меня понимаешь?

— Да-а... — не очень уверенно протянул мистер Кэмпиион.

Джина на несколько секунд прикрыла глаза, опустив веки.

— В нашем кругу такое происходит сплошь и рядом, — вновь заговорила она, словно оправдываясь. — Он сейчас может быть где угодно. И не исключено, что вдруг вернется сегодня поздним вечером или завтра утром, а я из-за поднятой шумихи окажусь в дурацком положении.

— Позволь мне сказать, как я это понимаю, — твердо, но с максимальным дружелюбием произнес мистер Кэмпиион. — Наш дорогой друг вполне мог отправиться на какую-нибудь коктейльную вечеринку, встретить там кого-то из своих, поехать с ними кутить на целую ночь, а потом очнуться после жуткого похмелья в чьем-то загородном доме и не заметить, что гулянка подзатянулась.

— Вполне возможно, — подхватила молодая женщина, стараясь убедить себя, что так оно и есть. — А мог и рвануть в Париж. Там ведь должна пройти выставка, по которой он сходит с ума. Но даже в этом случае я не понимаю, почему он задержался.

Эллингем М.

Э 47 Цветы для судьи : романы, повесть, рассказы / Марджери Эллингем ; пер. с англ. И. Иванова, Е. Корягиной, К. Плешкова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 800 с. — (Классика детектива. Большие книги).

ISBN 978-5-389-27353-5

Марджери Луиза Эллингем — английская писательница, принадлежащая «золотому веку английской литературы», признанная «королева детектива» наряду с Агатой Кристи, Дороти Сэйерс и Найо Марш. Она выделялась на фоне других авторов этого жанра, по выражению Агаты Кристи, «как горящая лампа».

Наибольшую известность приобрели книги Эллингем о сыщике-джентльмене Альберте Кэмпione. В этот том вошли седьмой и восьмой романы ее главного цикла, а также сборник новелл «Мистер Кэмпиион, криминолог».

Забота о репутации фирмы всегда стояла у Джона Уиддоусона на первом месте. И двадцать лет назад, и сейчас, когда под ударом не только репутация, но и свобода его двоюродного брата. Мистер Уиддоусон предпочел блюсти честь возглавляемого им издательского дома. А вот мистер Альберт Кэмпиион предпочел докопаться до сути этой трагедии, и не только потому, что брат издателя — его давний друг, которого хочется вызволить из беды.

Дальний родственник Кэмпииона, на старости лет создавший музыкальное шоу, просит сыщика выяснить, кто чинит неприятности ведущему актеру. Кэмпиион погружается в мир театральных страстей и интриг, где придется расследовать дела посерьезнее, чем испорченная афиша или булавка в гримировальном карандаше.

Кэмпиион получает анонимное письмо с упоминанием ангела, Питерса и крота. В то же утро газета «Таймс» печатает сообщение о смерти Р. И. Питерса. Судя по всему, покойник не кто иной, как бывший одноклассник по прозвищу Свин, которого Кэмпиион ненавидел в школе и о котором больше двадцати лет не было вестей. На похоронах Свина Кэмпиион встречает еще одного соученика, который получил точно такое же письмо, и беседует с врачом Питерса, утверждающим, что тот скончался от пневмонии. Навероятно, но, стоя перед гробом, Кэмпиион слышит у себя за спиной очень знакомый кашель. Именно так когда-то кашлял подлый Свин...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

МАРДЖЕРИ ЭЛЛИНГЕМ
ЦВЕТЫ ДЛЯ СУДЬИ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин

Редактор Елена Ступненкова

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Валентина Гончар, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 22.01.2026.

Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.

Усл. печ. л. 49. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШК —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШК филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-1LD-36359-01-R